

Алексей Иванович Абрамычев, генерал-майор в отставке, ныне ответственный сотрудник Президиума Российской Академии наук, вспоминает годы своей молодости, связанные с участием в боевых действиях на Дальнем Востоке во время Корейской войны, и анализирует причины и ход этого, ныне уже почти забытого, военного конфликта начала пятидесятих годов XX века.

АЛЕКСЕЙ АБРАМЫЧЕВ

ПРАВДА О ЗАБЫТОЙ ВОЙНЕ

Быстро летит время! Вот уже 60 лет прошло с того памятного июня 1950 года, когда началась Корейская война – так назвали первый для нашей страны, после окончания Второй мировой войны, зарубежный военный конфликт, в котором в открытое столкновение с военно-воздушными силами США вступило крупное советское военно-воздушное соединение – 64-й Отдельный истребительный авиационный корпус (64-й ИАК), в состав которого, кроме авиационных частей и соединений, входили зенитные артиллерийские дивизии, сформированные в СССР на добровольной основе. Хотя после окончания этой войны прошло много времени, события, связанные с ней, во многом остаются загадочными. Не пора ли уже рассказать о том, что я помню и знаю...

Начну свой рассказ издалека. В 1938 году моего отца перевели по службе в штаб Закавказского военного округа, который находился в столице Грузинской ССР, в Тбилиси. В этом городе наша семья прожила три года до самого начала Великой Отечественной войны. В то время я был мальчишкой, но до сих пор с волнением вспоминаю грузинских друзей нашей семьи и моих школьных товарищей: Александра Тоадозовича Хелидзе, его сына Жору, семью Левы Сарибекова – его жену тетю Тину, их сына Сергея, моего школьного друга Гиви Никабадзе. Узнав Грузию и её народ, как говорится, изнутри, я даже в страшном сне не мог себе представить, что юноши-грузины смогут убивать своих братьев осетин, их жён, стариков и детей, что случилось в августе 2008 года. То, что произошло тогда в Закавказье, для меня стало личной трагедией. Отец моей жены Дмитрий Георгиевич Чичуа – грузин, выходец из Абхазии, прошёл всю Великую Отечественную от звонка до звонка, имел два ранения, одно из них штыковое. Война в Южной Осетии навела меня на грустные размышления: если уж руководители таких стран, как Россия и США, Владимир Путин и Джордж Буш, сидевшие рядом на открытии Олим-

пийских игр в Пекине, не смогли договориться, то что уж тут говорить и что уж тут обвинять руководителей прошлого, которые вот тоже не смогли договориться тогда, в начале пятидесятых...

Как и почему начинаются войны? Отвечая на этот вопрос, политологи пытаются выстроить в логическую цепь международные события ушедшего столетия, чтобы получить окончательное представление о смысле мировой политики в то время. Все они, как правило, сводят мировую политику XX века к клише борьбы “либерального” Запада с “советским коммунизмом”. Однако грузинская агрессия 2008 года и диктат Запада последних двух десятилетий в отношении уже некоммунистической России показывают, что главным аспектом “холодной войны” – была не “борьба с коммунизмом”, а борьба с “русским империализмом”, как представляли это на Западе.

Кто же развязал Корейскую войну?

Передо мною книга, подаренная перешедшим на сторону СССР бывшим английским разведчиком Джорджем Блейком, “Прозрачные стены”. Летом 1950 года Дж. Блейк работал в Сеуле (Южная Корея) секретарем посольства Великобритании. Когда войска Корейской народной армии (КНА) КНДР вошли в Сеул, посольские работники Великобритании остались на местах, хотя англичане имели возможность вернуться к себе домой, в свою родную добрую Англию. В результате все они были интернированы и препровождены в лагерь, в котором многие из них нашли своё последнее пристанище. Как такое могло произойти? Дело в том, что дипломатические работники английского посольства в Сеуле были ориентированы своим руководством, что Корея не входит в сферу национальных интересов Великобритании. Более того, они имели информацию, что интересы США в Юго-Восточной Азии, распространяясь на Японию и Тайвань, не касаются Кореи. Вступление Великобритании в Корейскую войну было для английской колонии полной неожиданностью. “В тот вечер, – вспоминает Дж. Блейк, – мы слушали Би-би-си. Услышанное было так неожиданно, что вызвало настоящий шок. Премьер-министр Великобритании Эттли объявил, что посылает солдат на помощь США, которые вводят войска под флагом ООН, чтобы поддержать правительство Южной Кореи. Мы оказались в ловушке, так как были уже не нейтралами, а представителями воюющей армии на территории врага... Не думаю, что американцы планировали свое участие, скорее всего, их втянул в авантюру генерал Макартур”.

Однако тайны со временем обладают свойством открываться, иначе они обрастают легендами. То, что скрывалось от работников английского посольства в Сеуле, не составляло тайны для руководителей Пентагона. За обилием публикуемых в СМИ фактических данных, таких как имена военных деятелей, номера частей, количество дивизий и сброшенных на противника бомб, названия деревень, рек, горных хребтов, скрывались их истинные цели, результатом которых являлись конкретные действия и события.

Раздумья над темой, связанной с началом Корейской войны, знакомство с опубликованными в последнее время документами привели меня к версии возникновения данного конфликта, противостоящей точке зрения, широко озвученной в средствах массовой информации. Теперь все, кто интересуется обстоятельствами, связанными с началом Корейской войны, знают, что незадолго до её начала Пентагоном был утверждён план “SL-17”, предусматривавший наступление северокорейских войск, отход армии южан, последующий контрудар американских и южнокорейских дивизий в сочетании с высадкой морского десанта в тылу КНА и полный разгром последней. Самое поразительное: события первых месяцев Корейской войны в точности развивались именно по этому сценарию...

Летом 1951 года, в пик “холодной войны”, меня, двадцатилетнего офицера в звании лейтенанта, неожиданно вызвали из Ленинграда, где я проходил службу на артиллерийской базе ПВО после окончания в 1950 году учёбы в дважды Краснознаменном пехотном училище имени С. М. Кирова, в главный штаб Военно-воздушных сил. В главном штабе, расположенном в Москве на Пироговской улице, я узнал, что зачислен в группу, которая будет направлена в правительственную командировку. На “Пироговке” оказалось много молодых людей в штатском, в светлых, из тонкого габардина спортивного вида костюмах типа “сафари”. В их облике было что-то таинственное. Это были

лётчики, только что вернувшиеся из Китая. Один из них, узнав, что нам предстоит правительственная спецкомандировка, предположил, что мы будем направлены в Китай.

27 июня нас принял начальник главного штаба ВВС генерал-лейтенант Павел Фёдорович Батицкий. Запомнился кабинет Батицкого – ничего лишнего. Дубовый письменный стол. На одной из стен – зашторенная карта. В углу комнаты – маятниковые часы. Слева – книжный шкаф. На полу ковёр голубого цвета – как позже узнал, по лётной традиции. Начальник штаба оказался мужчиной солидного телосложения. Он был относительно молод: не старше сорока пяти лет. Я обратил внимание на его авиационную форму с голубой окантовкой и голубыми лампасами, хотя генерал, по образованию и боевому опыту службы, являлся общевойсковым командиром.

Звучный бас генерала соответствовал его облику. Облик его был недоступный, но в манере держать себя просматривалась доброта, замешанная на снисходительности. Поздоровался он с нами за руку. Принимая нас, держался просто. Его внимание было направлено на каждого. Разговор начал нетрадиционно и сразу завладел нашим вниманием.

– Ну, что, артиллеристы, в штабе ВВС впервые? – спросил он, обращаясь к нам. И не дожидаясь ответа, как бы оправдывая себя за свою авиационную форму, продолжил, – я пехотинец. Когда устанавливались порядки в армии, военно-воздушные силы были в воздухе, поэтому меня руководство страны направило сюда для наведения общевойсковой дисциплины.

В начале встречи Павел Фёдорович предупредил нас о конфиденциальности доводимых до нас сведений. Сообщив о предстоящей правительственной командировке и отметив, что подбор кандидатов для выполнения спецзадания осуществляется на сугубо добровольной основе, он зачитал список нашей группы и штатные должности, которые предстояло нам исполнять. Обращаясь к офицерам, интересовался их здоровьем и семейным положением. Моя фамилия была произнесена последней, я встал и, как все до меня, назвал свою должность. Теперь думаю, что мой юный возраст и волнение привлекли его внимание.

Генерал, заглянув в моё личное дело, неожиданно обратился ко мне с вопросом: – Отец военный? – Да, он погиб в июле 1941-го. – А где же ты был во время войны? – В эвакуации. С родственниками в деревне работал... – Холост? – Так точно.

Далее, перевернув страницу личного дела, он спросил: – Сколько лет учился в Суворовском? – Пять. – Он вдруг улыбнулся и неожиданно громко, но по-доброму сказал: – Образование общевойсковое (после Суворовского я закончил пехотное училище), а погоны артиллерийские. Доволен?! – Вопрос начальника штаба попал в точку. Батицкий оказался хорошим психологом, он угадал моё состояние. – Так точно! – был мой ответ.

Генерал открыл шторку висящей на стене карты дальневосточного театра военных действий (ТВД). На карте была нанесена зона ответственности 64-го истребительного авиационного корпуса на Корейском ТВД. Пояснений не требовалось. Мы сразу поняли, что нам предстоит серьёзное испытание. Начальник штаба разговор начал с краткого рассказа о первом применении наших истребителей против американских разведывательных самолётов в Китае весной 1950 года. В то время Батицкий, находясь в Китайской Народной Республике, в качестве советского военного представителя оказался непосредственным свидетелем нарушения воздушного пространства Китая американским самолётом-разведчиком RB-29.

Мы узнали, что первой в Манчжурию из СССР прибыла 151-я истребительная авиационная дивизия, которая заступила на боевое дежурство в сентябре 1950 года. В её задачу входила организация, во взаимодействии с зенитной артиллерией ПВО, прикрытия войск 13-й армейской группы Народно-освободительной армии Китая (НОАК), развёрнутой у границ с Кореей. Одновременно с выполнением боевых задач личный состав этой дивизии занимался переучиванием китайских лётчиков на наши новые истребители МиГ-15. Оценка обстановки начальником главного штаба ВВС сводилась к следующему:

“...Проиграв Китай, США решили утвердить силой своё присутствие в Восточно-Азиатском регионе, выбрав для этой цели КНДР и Южную Корею. Американцам, руками корейцев, удалось спровоцировать 25 июня 1950 года военное столкновение, заманив Ким Ир Сена в ловушку. В первые дни кон-

фликта ударные эскадрильи ВВС США уничтожили практически всю авиацию Северной Кореи. В сентябре 1950 года американские морские пехотинцы высадились в Инчхоне. Северокорейцы не смогли помешать десанту. Некоторым удалось уйти в горы. Южнокорейским генералам и их американским инструкторам удалось “заманить” стотысячную сухопутную группировку войск КНДР в пусанский котёл. . . ”

Подойдя к карте и, указав на порт Инчхон, начальник штаба несколько раздражённо продолжил:

– Северокорейцы вместе с нашими советниками попались: не смогли закрепить своего успеха. Американцы ждали и были готовы к этому. Они выбрали наиболее удачный момент для высадки десанта, блокировали войска северокорейцев на юге полуострова. Если бы не китайские добровольцы, поражение было неминуемо. После согласования вопроса о вводе в Северную Корею китайских народных добровольцев (КНД) во главе с генералом Пэн Дэ-хуаем наш генштаб принял решение о формировании в Северо-Восточном Китае 64-го Отдельного истребительного авиационного корпуса (64-й ИАК). В настоящее время корпус организационно входит в состав оперативной группы наших ВВС в Китае под общим командованием главного военного советника Народной-освободительной армии Китая генерал-полковника авиации С. А. Красовского.

Завершил свою речь Батицкий неожиданным заявлением:

– Макартур хотел применить атомную бомбу. . . В апреле 1951 года президенту Трумэну пришлось его заменить на более послушного генерала Мэтью Риджуэя, бывшего командующего 8-й американской армией.

Потом Батицкий приступил непосредственно к инструктажу нашей группы, зачитал донесение о действиях частей и их потерях за последние сутки. К сожалению, потери были. Упомянув о потерях, генерал поделился с нами обстоятельствами, связанными с трагической гибелью лётчика-истребителя старшего лейтенанта Евгения Стельмаха. Пилотируя в воздушном бою перехватчик МиГ-15, вступив в бой с американскими “сейбрами” в районе 38-й параллели, Стельмах был вынужден катапультироваться вблизи линии фронта. Он удачно приземлился. Дальше случилось непоправимое: северокорейцы приняли его за американца и окружили лётчика. Ошибочно решив, что попал на территорию противника, Стельмах застрелился. . .

– Тяжело нашим ребятам там. Все согласны ехать?

Наше молчание было истолковано генералом, как наше согласие.

– Близким скажите, что едете в Китай. Учтите – никто не должен знать о месте вашего пребывания в командировке. Помните, мы официально не принимаем участия в войне в Корее. Ясно? Запишите, ваш адрес – полевая почта 54892.

Дорога на Дальний Восток показалась мне сверхдальним путешествием. Предстояло пересечь Уральские горы, проехать города Свердловск, Новосибирск, Иркутск, озеро Байкал, Читу и приграничную станцию Отпор. А расстояние на карте от Москвы до Кореи моему воображению представлялось бесконечным. В Отпоре нам было приказано снять погоны и сдать удостоверения личности.

Пересечение границы. Для меня это было впервые. Предстояло знакомство с другой страной. Степь. Широкая в несколько сотен метров распаханная полоса. В составе два вагона. Поезд шёл очень медленно. Мимо проплыли пограничники с автоматами. Спустя пятнадцать минут первая китайская станция – Маньчжурия. Местная пограничная охрана нас встретила доброжелательно. Китайские солдаты и командиры в лёгкой хлопчатобумажной одинаковой форме защитного цвета. Командиров отличала от рядовых более качественная обувь. Над левым карманом кителя каждого военнослужащего – небольшой квадратик из белой ткани с чёрного цвета иероглифами. Переводчик продиктовал: “Чжунго жэньмин цзефан цзюнь” – “Китайская народно-освободительная армия”. Он же сказал, что на обороте нашивки написана фамилия военнослужащего. Других документов у китайских военных в то время не было.

За разговорами не заметили, как подошёл поезд. В двухместном купе японского вагона было просторно. Пассажиров немного. Чистота. Как тронулся поезд – мы и не почувствовали. Между Цицикаром и Харбином мы вдруг

увидели русскую деревню. Точнее – хутор. На дворе у избы стояли молодая женщина в сарафане и старик в казачьей форме, в фуражке без кокарды и гимнастерке без ремня. И куры с петухами. За хутором по тропинке гуськом друг за другом передвигалась группа китайских крестьян. Все босиком. Впереди мужчина, за ним – его жена, а потом детишки, маленькие, нагишом.

Китайские крестьяне. Мне в чём-то они были близки: казалось, что я знал их раньше: видимо, осталось впечатление от книг Степанова – “Порт-Артур” и русского генерала-генштабиста Игнатьева – “Пятьдесят лет в строю”, и, конечно, уроков истории и литературы в Суворовском училище. Именно в те годы нам привили интерес не только к отечественной литературе, но и к истории в целом. Одним словом, ко всему, что и накапливается годами, постепенно создавая культуру целых народов.

В памяти осталась остановка в Харбине. До отхода поезда хотя и было около часа времени, в город мы не поехали, так как перед отъездом были предупреждены, что Харбин кишит бывшими белогвардейцами. На вокзале в ресторане встретили несколько местных русских. Они оказались работниками ресторана. Кто-то из нас в качестве сувенира передал им на память несколько журналов “Огонёк”. Надо было видеть, как жадно они стали рассматривать эти журналы, сколько радости доставили им эти весточки с покинутой ими (или их родителями) Родины, напечатанные на родном языке.

Теперь, много лет спустя, вспоминая эту встречу с маленьким кусочком Харбина, думаю о том, что в свои двадцать лет я почти ничего не знал о судьбе наших живущих за рубежом соотечественников.

Харбин возводился русскими в пустой и безлюдной маньчжурской степи именно как русский город, как административный центр КВЖД, которая по двустороннему договору России с Китаем, подписанному в 1896 году, прокладывалась по территории Маньчжурии. По самой наименее заселенной северо-восточной части Поднебесной империи. Договор с Китаем предоставил России в аренду на 80 лет полосу отчуждения для прокладки этой дороги, с правом возведения там всех необходимых построек, вспомогательных служб и сооружений (по истечении этого срока КВЖД должна была перейти в собственность Китая). Маньчжурская ветка позволяла “спрямить” маршрут “Великого Сибирского рельсового пути”, как он именовался в официальном рескрипте Александра III, более чем на 500 километров. Однако история распорядилась иначе. Японская оккупация принесла тревогу и страх не только китайцам. Его постоянно испытывали и русские харбинцы. Особенно в дни, когда по приказу японцев одна за другой стали закрываться русские газеты, русские учебные заведения (в которых учились и китайские студенты). Японская оккупация, продажа КВЖД оказались только первыми ударами по русским в Китае. Когда осенью 1945 года в Маньчжурию пришли свои – советская армия, только что разгромившая германский фашизм, начались репрессии против бывших белогвардейцев и их семей.

С образованием в октябре 1949 года КНР дискриминация русских эмигрантов, по рассказам очевидцев, не прекратилась. На пути от Харбина в Мукден мы пошли обедать в вагон-ресторан. В ресторане с нами за столиком оказался мужчина средних лет европейского вида. Во время обеда он молчал. Потом вдруг на чистом русском языке спросил:

– Вы из России? – Выдержав паузу, я задал незнакомцу аналогичный вопрос.

– Меня увезли родители из России 29 лет назад, – ответил наш новый спутник.

Потом состоялся следующий диалог.

– Так вы эмигрант?

– Я имею советский паспорт. Мне его вручил советский консул в Харбине. Но мне и моим детям не разрешено возвратиться на Родину. Китайские власти меня обвиняют в том, что я преподавал в школе во время японской оккупации. Моих родителей заставили уехать из страны трагические обстоятельства. Члены нашей семьи всегда оставались патриотами России. Нам же, россиянам, здесь, в Китае, кроме изгнания со своей родины на чужбину пришлось пережить японскую оккупацию, а теперь – диктат местной администрации.

– В каком городе живёт ваши родители?

– Они умерли. Наша семья прожила большую половину своей жизни в изгнании, в Харбине. К сожалению, большинство людей, подобных мне, не са-

ми находят свою судьбу, а судьба их находит. Я боролся, как мне позволяли обстоятельства. Только избранные способны коренным образом изменить линию своей жизни. Я педагог, преподаватель русского языка, мог быть расстрелян японцами только за то, что я русский. Но я продолжал преподавать нашим детям русскую литературу. Однажды к нам на урок пришел японский офицер. По существу во время оккупации порядком мне пришлось подать команду: “Встать!”. Выслушав мой рапорт, японец через переводчика спросил: – Откуда в Харбине русские дети и русская школа?

Я ответил: наша семья эмигрировала в Китай во время гражданской войны.

– Что за портреты висят на стенах вашего класса? – спросил японец.

– Перед вами, господин офицер, портреты великих людей России – русского поэта Пушкина и русского композитора Чайковского.

Японец приказал снять портреты. Вместо них – повесить портрет императора Японии, а под ним лозунг, восхваляющий Страну восходящего солнца. Когда японский полковник вернулся к нам через месяц, на стене он увидел своего императора и лозунг на русском языке:

“Горит восток зарёю новой!”

После рассказа нашего соотечественника мы обедали молча. В тот день я впервые стал смотреть на “белую” эмиграцию другими глазами. Мне стало ясно, что недопустимо всех красить в один цвет.

Но вот, наконец, Мукден. Город выглядел мрачным. В пригороде – окопы. В центре привокзальной площади на высоком постаменте – наш танк Т-34. Много людей в военной форме. Окна домов города, на случай воздушного налёта, заклеены крестами газетной бумаги. Чувствовалась опасная близость войны. В приграничный с Кореей город Аньдун выехали ночью. Поезд состоял из пяти вагонов. Под утро тащивший их старенький паровозик одну из сопок не смог преодолеть: состав беспомощно скатился обратно. Пришлось всем выйти из вагонов и пешком взойти на сопку. После чего паровозик справился со своей задачей. Это всех развеселило.

Наш “состав” подошёл к очередному разъезду. Расплата за необоснованное веселье не заставила себя ждать. Увиденное на платформе повергло всех в шок... На всю жизнь запомнился этот душный стонущий полустанок, выцветший от солнца и дождей флаг Красного Креста санитарного поезда, который как-то крадучись подползал к платформе. Весь перрон сплошь был покрыт телами раненых, в окровавленных бинтах китайских солдат. Молящие о помощи глаза. Глаза изувеченных людей... Так мы, вдруг, были втянуты в один с ними поток, имя которому – война.

Оставшийся отрезок пути не сохранился в памяти. Помню однообразный пейзаж, сопровождавшийся мотивом вальса “На сопках Маньчжурии”, мутно-красный жаркий рассвет, ухающие взрывы бомб и канонаду зенитной артиллерии, отражающей налёт американской авиации на Аньдунский железнодорожный мост через Ялудзян. Чтобы не попасть под осколки своих снарядов, мы перешли под бетонное перекрытие заброшенного складского помещения.

Когда всё стихло и стрельба прекратилась, с западной стороны города мы услышали нарастающий характерный свистящий гул. После чего прямо над нами пронеслись друг за другом несколько истребителей МиГ-15, оставляя за собой след в виде узкой дымной ленты. Истребители шли с набором высоты, под большим углом к горизонту, попарно, будто связанные между собою невидимыми нитями. Полёт перехватчиков был легок. Казалось, что пилоты с трудом сдерживают рвущиеся вперед машины. Их совершенный облик источал огромный запас неизрасходованной силы и решимости не дать безнаказанно уйти неприятелю. На фюзеляжах самолетов мы увидели символику военно-воздушных сил КНДР. Выкрашенная в красный цвет верхняя часть хвостовых стабилизаторов придавала истребителям боевую красоту и молодецкую задирность.

– Наши пошли, – невольно вырвалось у меня. Я не ошибся. Красная полоса на вертикальном стабилизаторе была отличительным знаком истребительной авиации 64 Отдельного истребительного авиационного корпуса (64-й ИАК), действующего на Корейском ТВД... Через некоторое время за нами

приехал выдавший виды грузовик ГАЗ-АА с двумя военными в китайской форме. Один из них, младший лейтенант, офицер диспетчерской службы штаба корпуса – Монастырский, второй – китайский военный переводчик-референт Зоу Готин. Мы попросили доставить нас в управление корпуса, к генералу Белову.

Дорога проходила по степи. Справа – маньчжурские сопки. Слева – поля риса и гаоляна. Рассмотреть маньчжурские сопки во всей красе мешало солнце. Через пять километров от корейской границы, когда дорога перешла в “бетонку”, мы увидели ряд строений. Ещё через километр слева от нас открылось свободное пространство грунтовой взлётно-посадочной полосы с рулёжными дорожками и капонирами военного аэродрома, укрывающими истребители “МиГ-15”. Это был Аньдунский аэродром.

Помню, как поднялся плохо отёсанный шлагбаум – ворота, разделяющие как бы две половины моей жизни, как вытянулся, отдавая нам честь, китайский солдат в зелёной форме и матерчатой шапке, похожей на спортивную “бейсболку”.

Машина остановилась у небольшого двухэтажного дома, расположенного у основания сопки слева от дороги. У входа в строение мы увидели двух лётчиков в китайской форме. Оба были в кожаных куртках с авиационными планшетами в руках. Наша форменная одежда привлекла их внимание.

– Привет, салаги! – обратился к нам один из них, который был помоложе. – Пополнение? Как дела? Настроение хорошее?

– Хорошее, только бомбят, сволочи, – ответил ему прошедший Отечественную войну старший среди нас по возрасту киевлянин подполковник Василий Иванович Горбач.

– Товарищ командир! Это наши артиллеристы, – сдерживая смех, пояснил Монастырский.

– Ну, наконец, приехали, заходите, – мы поняли, что представлены командиру корпуса генералу Белову.

Командир корпуса принял нас на следующий день. В ходе встречи генерал поручил начальнику штаба полковнику Суслину передать нам для ознакомления необходимые оперативные документы для разработки плана развёртывания на КП пункта управления артиллерией. Встреча завершилась традиционным чаепитием. Прощаясь, командир порекомендовал работу начать со встречи с руководством артиллерийских частей и военными представителями нашего советнического аппарата в Китае. Поездку в войска он попросил не откладывать. Было решено выехать на следующий день.

Ночью мы проснулись от сигнала сирены. Все, повскакав с кровати, вышли из помещения. Вдруг в небе послышался гул бомбардировщиков, за которым вспыхнули лучи прожекторов, и раздалась орудийная канонада наших зенитных батарей. Около десятка прожекторных лучей стали шарить по небосводу, пытаясь отыскать “цели”. Когда яркие голубые лучи, рассекая небо на куски, вслед за гулом самолётов ушли в сторону, за ними удалились и выстрелы зениток. Разочарованные действиями нашей ПВО, мы вернулись в помещения и легли спать. В полночь, из-за повторного налёта, пришлось опять встать и опустить маскировочные шторы на окнах. Душная комната сразу превратилась в парную.

Первые прошедшие на новом месте сутки были для нас по причине высокой влажности тяжёлыми. Вернувшись после тревоги к себе в комнаты, мы развесили на кроватях противомоскитные сетки. Кровати – обычные, с пружинной основой, на которую был положен матрац. Все простыни и одежда оказались мокрыми. В довершение всего – обилие комаров. На земляном полу жилища прыгали блохи. Сетки же, натянутые над кроватями, почти не пропускали воздух.

Выключив свет в комнатах, используя китайские фонарики, купленные в местном магазине “колониальных товаров”, каждый из нас, перед тем как лечь в кровать, принял меры по уничтожению комаров, пробравшихся в пространство, которое москитная сетка превратила в застойную душную зону.

На следующее утро даже хорошо приготовленный лётный завтрак застревал в горле. Полагавшаяся плитка шоколада у всех оказалась нетронутой. После завтрака нам выдали китайское летнее хлопчатобумажное обмундирование. Оно повторяло форму китайских добровольцев. Правда, было авиа-

ционного образца. Фуражки и кители – защитного цвета. Брюки – авиационные, синие. В отличие от регулярных войск армии КНР на кителях были спороты нагрудные нашивки, располагавшиеся над левым карманом. Переодевшись, мы почувствовали облегчение. Все приняли душ. Душевую установку развернули на улице перед нашим домом. Она состояла из подвесных бачков американских истребителей “сейбров”, которые были подобраны в районе командного пункта. Они сбрасывались американцами при вступлении истребителей в бой.

КП зенитного полка дивизии полковника Петрова, который планировалось посетить, был развёрнут недалеко от моста пограничной реки через Ялудзян. К зенитчикам мы выехали на голодный желудок. Я взял с собой флягу с питьевой водой, предварительно обильно намочив ею чехол.

Мост через Ялудзян, протяжённостью с километр, соединял два приграничных города: китайский – Аньдун и корейский – Сингисю. Переправу пришлось преодолевать пешком по шпалам железной дороги: автодорожное покрытие было разбито при очередном налёте американской авиации. При переходе через мост, чтобы не закружилась голова, смотреть нужно было только вперёд: между проёмами шпал – многометровая пропасть.

Вместе с нами на корейскую землю переходили растянутые вереницей колонны китайских добровольцев. Они, двигаясь “полубегом”, несли на себе продовольствие и военное снаряжение. Эти части, направленные в Корею для восполнения потерь добровольцев генерала Пэн Дехуая, были сформированы на северо-востоке КНР.

Корейско-китайская граница, проходящая по железнодорожной переправе через реку Ялудзян, охранялась китайскими и корейскими пограничниками, которые, не удостоверившись, кто мы такие, встретили нас словами: “Кожедубо хао” (Кожедубовцы, хорошо), “Трумэн пу хао” (Трумэн – плохо), “Мао Цзэдун, Сталин – давай, давай!”. Искренне-наивное обращение пограничников вызвало у нас улыбки. Мы поняли, что ошибочно приняты за лётчиков, к которым отношение в Китае и Корее было особое. Форма китайского приветствия никак не согласовывалась со строгими предупреждениями генерала Батицкого об обеспечении нашей “конспирации”. Впоследствии мы узнали, что “граница” для русских, носящих форму китайских народных добровольцев, была открыта. Китайские и корейские пограничники у нас никаких документов не спрашивали. Хотя на государственном уровне присутствие советских частей в Корее скрывалось, о факте нашего пребывания в этой стране знало практически всё население КНДР и приграничной области Северо-восточной провинции Китая. Преодолев мост, мы оказались в Сингисю. У моста нас ждал командир Аньдунской зенитной артиллерийской дивизии полковник Петров.

Вступив на корейскую землю, каждый из нас испытал потрясение. На фоне увиденного кошмара китайский Аньдун показался мне мирным благополучным городом. Если не знать, что это Корея, город вполне можно было принять за Сталинград конца 1942 года. Его обитатели жили, как на переднем крае. Невольно в памяти возник увиденный нами несколько дней назад в дороге полустанок с платформой, покрытой телами изувеченных, в окровавленных бинтах солдат, и “студебеккер” – со сваленными в его кузов останками жертв этой мясорубки. Тяжело было представить, что каждый из убитых совсем недавно имел семью, детей, родной очаг...

Город Сингисю – один из крупнейших городов в Северной Корее, был весь в руинах. Наш “козлик” ГАЗ-67 двигался по дороге между походных колонн идущих “полубегом” в полной выкладке китайских солдат, которые приветствовали нас восторженными возгласами “Сулян тунжи, хао!” “Хао! Су – ля – ян!” (советские товарищи, хорошо!): каждый из русских, в их глазах, олицетворял лётчиков и артиллеристов, которые прибыли по просьбе “Мао” и “Кима”, чтобы защитить их от налётов штурмовиков и бомбардировщиков иноземцев. Летом 1951 года северяне задыхались от тотальных американских бомбардировок. Корея севернее 38-й параллели буквально зарылась в землю от бомб и неуправляемых ракетных снарядов (РС). Все её посёлки, железнодорожные узлы, дороги подвергались ожесточённому ударам с воздуха.

Нормальному человеку невозможно было понять, зачем повсюду: от линии фронта на юге, и до Сингисю, и дальше на север – происходит планомерное уничтожение целого народа? Почему, скорчившись, зарывшись в землю,

миллионы мирных людей, для которых эта земля является их родиной, должны прятаться от бомбардировщиков и истребителей, прилетевших из далёких стран, расположенных за тысячи километров от их земли? Зачем их стараются как можно основательней изувечить или убить?

Чем ближе был центр города, правильнее сказать центр развалин, тем чернее становилось небо и громче вой сирены. Вокруг в целости не осталось ни одного здания. Разбито было буквально всё. Американские штурмовики безнаказанно «утюжили» дороги, беспощадно расстреливали убегающих из разбитых жилищ людей. Жгли, применяя напалм, всё живое. Казалось, что какие-то могущественные силы, находящиеся где-то там далеко за океаном, поставили задачу перед ВВС Объединённых наций не только выиграть эту войну, но и наказать этот, по теперешней их терминологии, — «народ-изгой», привести его развороченную и разрубленную жизнь в смятение таким образом, чтобы он навечно запомнил преподнесённый ему урок.

Но, впервые увидев вставших в поле в полный рост корейских крестьян и китайских солдат с запрокинутыми в небо головами, которые, забыв о грозящей им опасности, с восхищением глядели, как наш маленький смелый «МиГ» разваливает на куски всей мощью своих грохочущих пушек американский «сейбр», во мне родилось ощущение, что эти люди способны пережить любые испытания...

Поразительным было то, что, охотясь за машинами, гоняясь на дорогах за отдельными людьми, в том числе за колоннами пленённых американцев (об этом вспоминает Джордж Блейк), убивая женщин, детей и стариков, разрушая их жилища, штурмовики Объединённых наций и американские бомбардировщики почему-то не трогали огромную высотную электростанцию Северной Кореи Супхун ГЭС, которая, наряду с переправами и аэродромами, являлась важнейшим стратегическим объектом этой страны... Удары по Супхунской ГЭС деловые американцы начали наносить только с 1952 года, когда потеряли надежду выиграть войну. Позже, к концу войны, по приказу из Москвы (нового начальника генерального штаба маршала Соколовского) мы, развернув рядом (в створе с этой плотиной, в ста метрах от неё) наш командный пункт, КП зенитчиков-артиллеристов, перебрались на него сами. В случае поражения плотины наш КП был бы уничтожен. Оборона оказалась надёжной. Все остались живы, а обороняемый объект цел.

С первым посещением плотины в памяти осталось «приключение», которое чуть не закончилось трагически. Как-то мы выехали на позиции подразделения зенитно-прожекторного полка. Зашёл разговор о Супхунской ГЭС. Я спросил у попутчиков, какой дорогой лучше до неё добраться. Они ответили, что плотина недалеко. Если хотите, можно на неё проехать. Плотина представляла собой уникальное сооружение, возведённое в седловине между сопок. В районе плотины мне пришлось быть раньше при посещении прожекторных точек. Однако непосредственно на плотине я ни разу не был.

Командир полка предоставил в наше распоряжение свою машину, американский трофейный «виллис» с белой звездой во весь капот: его шофер знал кратчайшую дорогу. Определив по карте маршрут, мы двинулись к месту назначения. На свою беду, мы не знали, что где-то севернее, в районе города Нампо, находился лагерь интернированных сотрудников посольств, государства которых направили свои вооружённые силы в состав войск Объединённых наций, воюющих против Северной Кореи. Режим содержания интернированных иностранцев был относительно свободным. Во всяком случае, корейская охрана допускала перемещения дипломатов в отведённом для них районе. Однако они внимательно следили, чтобы дипломаты не переходили его границы.

Километров через пятнадцать, не останавливаясь, мы миновали шлагбаум с китайским часовым. Китаец поднял шлагбаум, видимо, это произошло у него автоматически, так как несколько позже мы были задержаны при въезде на территорию китайской воинской части. Китаец-часовой направил винтовку с примкнутым штыком на сидящего за рулем шофера, что-то сказав на своём языке. Шофёр на всякий случай убрал руки с баранки машины. В глазах задержавшего нас китайца можно было прочесть то же, что в глазах солдата любой армии, когда он смотрит на начальство, — смесь отчуждения со страхом. Он, как мне показалось, понимал, кто мы такие. Но, видимо, какие-то соображения заставили его быть осторожным.

Далее, уже под охраной, мы были препровождены группой китайских солдат, обвешанных парабеллумами, к отдельному бараку, в котором размещалась караульная служба. По дороге миновали большое скопление солдат, сидящих на корточках. Перед ними на коленях стояли два китайца со связанными руками и охранявшая их вооруженная караульная группа. Картина была не из приятных. Мы знали, что подобные “собрания” зачастую завершаются расстрельным приговором, который приводился в исполнение на месте. Положение усугубляла подозрительность, вызванная антиамериканской шпиономанией. Американские белые звезды на капоте “виллиса” усугубили неблагоприятно развивающуюся ситуацию. Между тем, нас проводили в отдельное небольшое помещение и предложили сдать оружие. На что мы ответили категорическим отказом. В ответ китайцы заперли нас в комнате, выставив у двери с обеих сторон по часовому.

Мы были обескуражены, так как за всё пребывание в командировке ни с чем подобным нам сталкиваться не приходилось. В то же время мы понимали, что нам не остаётся ничего иного, как подчиниться. Настораживало другое: мы почувствовали нарастающее, по мере развития событий, враждебное к нам отношение. Подозрительные взгляды были тому подтверждением. Пришедший начальник долго и внимательно осмотрел каждого из нас. Потом его взгляд остановился на нашей кожаной обуви. Её он стал осматривать со злобной подозрительностью.

Симонов активно пытался самыми невообразимыми жестами объяснить китайцам, что произошло недоразумение. Но это только их настораживало. В отличие от Симонова и Зверева мы с шофёром чувствовали себя более-менее спокойно. И оно понятно. По своему служебному положению являясь самыми младшими, мы полностью доверились старшим товарищам. Как бы там ни было, оставшись с нами вчетвером, Симонов попытался совместно наметить дальнейший план действий. Проблема состояла в том, что никто из нас не имел документов. Кроме того, мы не имели права раскрывать своё должностное положение и название воинской части. Не говоря уже о том, что никто из нас не знал китайского языка. Английский язык Симонова мог в данной ситуации нам только навредить.

В это время вдруг грянули, один за другим, два пушечных выстрела. Все притихли. Зверев же обнаружил, что хочет пить:

– Вода осталась в машине, – сказал он. Наступила пауза, после которой Симонова охватила жажда деятельности. Решив, что с этим надо кончать, видимо, почувствовав прилив отваги, он, неожиданно вскочив, подбежал к оторопевшему часовому и закричал, в одно мгновение израсходовав весь свой словарный запас китайского языка:

– Трумэн пу хау! Мао-Джу хау! (Мао-Джу – сокращение, принятое в вооруженных силах Китая от объединения имен двух вождей – Мао Цзэдуна и Джу Дэ).

Китайский часовой сначала растерялся, потом вдруг ответил “Сталин хау!” и стал стучать в дверь. Пришедший его начальник, с птичьим лицом, переговорив с караульным, куда-то ушёл. Вскоре вернулся и предложил нам идти с ним.

Минут через пять мы были представлены пожилому китайцу в военной форме. Нам повезло: он мог изъясняться по-русски. Посмотрев на нашу авиационную форму, он хитро улыбнулся и спросил: “Кожедубо”? В комнату принесли традиционный чай. Инцидент был исчерпан.

В этот же день мы добрались до Супхунской плотины и были заворожены открывшейся перед нашими глазами панорамой. Увиденное явилось своеобразным подарком за только что пережитый стресс.

Плотина огромной высоты перекрывала реку Ялудзян в самом её узком месте. Поток воды неимоверной силы сбрасывался с головокружительной высоты с характерным громopodobным шумом. От этого зрелища невозможно было оторваться. . .

Гигантское бетонное сооружение, построенное в горах Северной Кореи, высотой в 106 метров и длиной почти в километр раскинулось перед нами. Система северокорейской ГЭС состояла из ряда независимых элементов, многие из которых были скрыты под землёй. Она представляла собой современную, не имеющую аналогов сеть ГЭС и являлась одной из крупнейших

промышленных ценностей в Азии. Её уничтожение могло привести к катастрофе с трудно предсказуемыми последствиями.

На КП прожектористов от полковника Беленко мы узнали, что Супхунская ГЭС строилась наряду с другими сооружениями, входящими в энергетический комплекс Корейского полуострова, в течение 20 лет для снабжения Западной сети Кореи. Крупнейшая из электроэнергетических станций Супхун не только снабжала электроэнергией весь полуостров, куда направлялось 90% вырабатываемой электроэнергии, но и отдавала 10% своей электроэнергии промышленным центрам Маньчжурии. Общая мощность 4-х главных систем (Супхун, Фусен, Чанчжин и Кесен) составляла более полутора миллионов киловатт.

После 1948 года, уже при власти Ким Ир Сена, линии электропередачи, связывающие между собой Западную и Восточную сети, стали способны передавать значительное количество электроэнергии из одной сети в другую. Разрушение такой гибкой системы потребовало бы массированных налетов по всей системе электростанций в целом. Чтобы вывести из строя всю сеть, необходимо было поразить каждый её элемент, что было сложной дорогостоящей задачей даже для американцев.

На всех войнах случаются парадоксальные ситуации. Корея не была исключением из общего правила. Наш метеоролог Владимир Кузнецов рассказывал мне, что якобы, с молчаливого согласия обеих воюющих сторон, несколько населенных пунктов южан почти всю войну “тайно” пользовались электроэнергией северян. Ведь по обе стороны 38-й параллели жил один народ, который не по своей воле был искусственно разделен надвое. Поэтому “северяне” тайно делились малой толикой своей электроэнергии с “южанами”. Так было до тех пор, пока в феврале 1952 года, недалеко от 38-й параллели, авиацией США была случайно разрушена северокорейская подстанция, которая питала местные южнокорейские объекты. После того как Ким Ир Сен отказался её восстановить, американцы буквально стерли с земли эту подстанцию.

Руководство США, рассчитывающее в начале конфликта на быструю победу, не теряло надежду завершить эту войну захватом всей территории КНДР. Так было вплоть до начала 1952 года. С начала войны американцы были убеждены, что Корейская война закончится безусловной победой США и их союзников. В самом крайнем случае путем применения атомного оружия. Соответствующие “утечки” подобных угроз, с ведома администрации президента Трумэна, сбрасывались в прессу. Думается, что в случае реализации этого замысла, по аналогии с Японией, удар мог быть нанесён по мирным объектам, не представляющим экономической ценности.

Взглянуть на давно прошедшие события по-новому заставила меня встреча в начале 1980-х годов с командиром воевавшего в Корее 64-го ИАК генерал-лейтенантом авиации Героем Советского Союза Георгием Агеевичем Лобовым (вскоре после нашего приезда он заменил Белова). В то время Георгием Агеевичем заведовал кафедрой авиации в Военной академии имени Фрунзе. В период так называемой перестройки он начал работать над записками о Корее. Лобова заинтересовал вопрос, связанный с началом Корейской войны. В разговоре с нами обмолвившись, что конфликт был спровоцирован американцами, Георгий Агеевич, вспоминая прошедшие события, привел аналогию трагедии, связанной с началом войны в Корее, с трагедией, постигшей американский флот США в гавани Пёрл-Харбор. По словам Лобова, “правда Пёрл-Харбора” и “корейская правда” ещё долгие годы будут запечатлены в особых сейфах спецслужб и библиотеки Конгресса Соединённых Штатов. Он считал, что корейский конфликт явился результатом масштабной провокации администрации президента Трумэна, в которой американцами была эффективно использована вся мощь психологического воздействия на противника. Главной задачей, стоящей перед органами психологической войны США, являлся показ действий вооружённых сил этой страны как легитимной оборонительной операции.

Недавно я познакомился с книгой американского контр-адмирала Теобольда “The Final Secret of Pearl Harbor” – “Последняя тайна Пёрл-Харбора”. Он пишет, что о нападении японцев на Пёрл-Харбор в Вашингтоне знали заблаговременно. Мнение контр-адмирала Теобольда согласуется с данными, приведёнными Робертом Стиннетом и Марком Уайлли в книгах “Day of

Deceit” – “День обмана” (автор Стиннет) и “Pearl Harbor – Mother of All Conspiracies” – “Пёрл-Харбор – мать всех заговоров” (автор Уайлли). По словам последнего, за несколько дней до атаки на Пёрл-Харбор в открытое море из его гавани вышли два самых ценных корабля американского Тихоокеанского флота – авианосцы “Энтерпрайз” и “Лексингтон”. В гавани Пёрл-Харбор осталось множество кораблей “не первой молодости”, “подставленных”, по словам Марка Уайлли, в прямые ряды, как на параде, и составляющих идеальную мишень для противника.

Я воскрешаю в памяти первую поездку в Пхеньян и моё знакомство с советником при корейском генштабе полковником Дмитриевым, которое состоялось под Пхеньяном во второй половине 1951 года. Дмитриев считал, что американцы приступили к подготовке морских десантов на западном (в Инчхоне) и восточном побережьях Корейского полуострова (в Вонсане и в Хыннаме) задолго до начала конфликта.

Если верить западной прессе, война в Корее для США началась “внезапно”. Однако администрация президента Трумэна действовала мгновенно, как по заранее разработанному плану. На второй день войны американские самолёты атаковали аэродромы КНДР, расположенные вблизи 38-й параллели Корейского полуострова. А 29 июня, на четвёртый день после её начала, получив от советской стороны заверения о невмешательстве в конфликт, американцы сразу приступили к срочной переброске в Южную Корею своих войск из Японии. Уже 7 июля Совет Безопасности по предложению Трумэна принял резолюцию о формировании международных вооружённых сил. Так война на Корейском полуострове была интернационализирована.

Позже стало известно, что в январе 1950 года глава американских советников в Корейской Республике генерал Робертс на одном из совещаний южнокорейского правительства поставил южнокорейского президента Ли Сын Мана в известность, что “план похода – дело решенное... Хотя нападение начнем мы, – заявил он, – всё же надо создать предлог, чтобы иметь справедливую причину”.

Анализ материалов западной прессы показывает, что американцам была известна дата вторжения северян в Южную Корею. За день до начала боевых действий, 24 июня, неожиданно от линии соприкосновения было отведено несколько наиболее боеспособных южнокорейских частей (с тем, чтобы они не попали под первый удар армии Ким Ир Сена. – **Авт.**).

Новейшая история военных конфликтов свидетельствует: любому конфликту, в котором участвовала Америка, предшествовали соответствующие сценарии, направленные на оправдание активной вооруженной “защиты” её “национальных интересов”. Разработка подобных сценариев стала для американских аналитиков традицией. Для вступления во Вторую мировую войну США потребовалась “японская дверь” (необходим был Пёрл-Харбор), для высадки морского десанта в Инчхоне – корейская гражданская война, для нападения на Ирак – якобы “наличие” у этой страны оружия массового поражения, а в случае с Южной Осетией – “нападение” российских миротворцев на Грузию, и так далее.

В 1950 году в борьбе за плацдарм, граничащий с Китаем и СССР на Восточно-Азиатском континенте, 33-й президент США решил действовать традиционно – вступить в борьбу, воспользовавшись “корейской дверью”. Однако перед ним стоял вопрос: “как сманеврировать, чтобы Северная Корея сделала “первый выстрел”. Надо отдать должное Г. Трумэну – в этой “шахматной партии” ему удалось переиграть Сталина.

Свои планы в этой войне были и у Китая. С провозглашением КНР на международной сцене заявил о себе новый игрок со своими проблемами и интересами. Молодая Китайская Республика получила на своей южной морской границе смертельного противника в лице генералиссимуса Чан Кайши, который под прикрытием сил США, обладающих атомным оружием, обосновался на острове Тайвань. Угроза объединения Кореи под руководством Ли Сын Мана создавала Китаю ещё одну проблему, но уже на севере страны.

В 1950 году перед Сталиным стояла дилемма. С одной стороны он понимал, что СССР может быть вовлечён в опаснейшее военное противостояние с США. Кроме того, объединение “двух Корей” под властью Кима могло привести к созданию мощного азиатского коммунистического центра во главе с Мао

Цзэдуном, альтернативного европейскому “социалистическому лагерю”. В то же время не поддержать инициативу Кима и Мао означало настроить против себя китайцев.

Сталин пошёл на компромисс: решил на словах поддержать двух коммунистических лидеров, но при этом ограничиться только займом КНДР на поставку вооружения.

25 июня 1950 года войска КНДР перешли на рассвете границу и вторглись на территорию Южной Кореи.

Однако когда основные силы войск Ким Ир Сена были сосредоточены в районе Пусана, в ночь с 14 на 15 сентября 1950 года войска объединённой коалиции высадили десант в Инчхоне. Этот десант представлял мощную группировку “войск ООН”, насчитывающую 50 тысяч пехотинцев с танками и артиллерией и прикрываемую 300 военными кораблями и 835 самолетами. Полученный в ходе высадки десанта в Корею в 1945 году в Инчхонской гавани опыт и сама конфигурация Корейского полуострова, напоминающая мешок (созданную природой западню), максимально облегчили американцам задачу.

К концу октября части южан вышли к границе с Китаем, проходящей по реке Ялудзян. Казалось, что замысел американцев удался, КНДР разгромлена и вся Корея объединена под эгидой проамериканского режима. Но неожиданно для американцев жизнь преподнесла руководству коалиции сюрприз. 25 октября на территорию КНДР были введены многотысячные отряды китайских добровольцев, возглавляемые генералом Пэн Дэхуаем. Армия Пэн Дэхуа состояла из частей и подразделений, вооружённых в основном стрелковым оружием. Она не имела авиации и флота. Не было в достаточном количестве артиллерии и танков. Не было у китайских добровольцев и опыта ведения борьбы с противником, оснащённым современной боевой техникой. И всё же добровольцы представляли собой силу, которая благодаря внезапности и сплочённости оказалась способной не только остановить противника, но и опрокинуть его.

За восемь дней (с момента перехода ими границы КНДР по реке Ялудзян), к 3 ноября, китайцы продвинулись на 60 километров на юг, в направлении к Анчжу, и создали угрозу выхода в тыл американскому корпусу, наступающему на Аньдун. В последующие два дня интервенты были отброшены за реку Чхончхондон на рубеж Анчжу – Токчхон. Только на этом рубеже американцы, наконец, оказались способны приостановить наступление частей Пэн Дэхуая. Но их попытка выйти на старые позиции и закрепиться в районе реки Ялудзян потерпела неудачу.

Китайские добровольцы в условиях превосходства противника в технике стали действовать ночью. Они навязывали американцам, боявшимся ближнего боя, рукопашные ночные схватки, в которых вырезали целые их подразделения.

Следующее внезапное для американцев контрнаступление добровольцев и частей КНА началось также ночью: в ночь на 25 ноября – на пхеньянском (западном), и в ночь на 27 ноября – на хамхынском (восточном) направлениях. 7 декабря была освобождена столица Северной Кореи – Пхеньян. 4 января войска КНДР вошли в Сеул. Часть интервентов погрузилась на суда и спешно эвакуировалась. Остальные силы отступили на юг.

Американский генерал Риджуэй вспоминает: “Всего в нескольких километрах к северу от Сеула я столкнулся с бегущей армией. До сих пор мне не довелось видеть ничего подобного. Солдаты побросали тяжёлую артиллерию, пулемёты и миномёты. Лишь немногие сохраняли винтовки. Все они думали об одном: как лучше убежать”.

Стремясь перехватить инициативу, американское командование вынуждено было перебросить на территорию Кореи значительные подкрепления. Ударами американской авиации был серьёзно повреждён Аньдунский мост через реку Ялудзян и разрушены мосты в районе Анчжу. Армия Пэн Дэхуая осталась без тылового обеспечения.

26 января части 8-й американской армии под командованием генерала Риджуэя перешли в контрнаступление на сеульском направлении, а 5 февраля – на остальном фронте. В результате ожесточённых боев, проходящих в условиях снегопада при двадцатипятиградусных морозах, испытывая острую нужду в продовольствии, боеприпасах и снаряжении, объединённое северокорейское командование осуществило последовательный отвод сил в район

38-й параллели. К лету 1951 года фронт застыл на 38-й параллели. Маневренный период войны завершился. Обе стороны закрепились на достигнутых рубежах. Позиционная оборона вступила в свои права.

В сложившейся ситуации главнокомандующий коалиционными войсками ООН генерал Дуглас Макартур в сообщениях в Вашингтон предлагал президенту начать атомную бомбардировку Китая. 30 ноября 1950 года на пресс-конференции Трумэн выступил с сенсационным заявлением. Он произнёс: «Если потребуется, Америка начнет ядерную войну». Но Вашингтон не решился на этот шаг. Г. Трумэн, опасаясь, что Макартур может предпринять необратимые шаги к мировой войне, внезапно освободил генерала от должности. Этим актом президент США признал «де-факто» образование на Корейском ТВД баланса сил.

Со стороны Северной Кореи, с учетом китайских добровольцев, — имелось подавляющее превосходство в людях; южнокорейские силы — имели преимущество в средствах вооружённой борьбы, в первую очередь, в стратегической бомбардировочной и штурмовой авиации. К этому времени относится начало переговоров о перемирии. Они начались весной 1951 года в Паньмынчжоне. После длительных дискуссий стороны пришли к соглашению о шестидесяти пунктах договора. Спор продолжался по одному вопросу — о порядке репатриации военнопленных.

Наша командировка длилась двадцать семь месяцев. В течение этого срока, по соображениям безопасности, я сопровождал своего непосредственного начальника — заместителя командира корпуса по артиллерии полковника Л. С. Бобахо, практически во всех его поездках по батареям и прожекторным точкам артиллерийских дивизий. Вёл памятью посещений частей и контроль исполнения его указаний. В это связи были разные встречи. Когда мы на нашем «козлике», машине «ГАЗ-67», оказывались на корейских дорогах, нас всегда на всём протяжении пути следования сопровождали восторженные возгласы и крики приветствий не только солдат, идущих с полной боевой выкладкой в сторону фронта со своими частями, но и простых людей, корейских женщин, их детей. Естественно, каждый из нас, как мог, старался помочь им. Если позволяли условия, делились с ними едой. Иногда подвозили местных жителей, если честно, чаще молодых корейцев, до их неприхотливых жилищ-землянок. Наша машина, «ГАЗ-67» была небольшой. На заднем сиденье машины едва можно было разместиться вдвоём. Мне нравилась эта теснота. Ведь, в конце концов, мы были молодые двадцатилетние ребята...

Не обошлось и без казусов. В памяти остался один из дней наших «путешествий» по дорогам Кореи. Не помню, кто сказал, что страх капризное чувство, зачастую не связанное с рассудком. Пример тому случай, который произошел со мной на КП дивизии полковника Мешкова.

Путь проходил серпантинном между сопок по северной дороге. С вершин сопок, на перевалах, открывались картины уходящих к горизонту, дышащих синевой далёких гор, внизу в зелени долин, местами залитых водой, копошились одетые в белое люди. На рисовых полях работали взрослые и дети. В глубине сопок размещались части китайских добровольцев. Маршруты их скрытых от глаз перемещений проходили по всей стране. Корея — в переводе на русский язык — «страна утренней свежести»: утро прохладное, к полудню в зените яркое солнце, тепло, но не жарко. На склонах сопок мелкорослые дубки и сосенки, повыше акации, внизу — огромные «ночные деревья» — каштаны. В воздухе, если повезёт, можно услышать голос иволги. А когда случались обстрелы и бомбёжки, то не выдерживали и кричали обеспокоенные фазаны.

КП дивизии был расположен в большом густом лесу на склоне сопки, сплошь покрытой высокими соснами: спрятан от глаз вражеской авиации. Место красивое, сравнимое с нашим дальневосточным Приморьем. Вечером Бобахо остался с Мешковым на КП дивизии. Командир дивизии встретил его гостеприимно:

— Я, как волк, — улыбаясь сказал он, — меня всегда в лес тянуло. И по грибы можно ходить. Корейские местные военные, солдаты и офицеры, и гражданские власти относятся к нам хорошо. Показываются редко, хотя снабжают штаб и части всем необходимым.

На КП дивизии меня устроили на ночлег в одной из землянок на склоне сопки. Шофёр Митя Рецо сказал, что будет спать в машине. Землянка, вко-

панная в грунт на склоне сопки, в которой я собрался ночевать, представляла собой помещение площадью не более четырёх квадратных метров, с маленьким столиком и крошечным окошечком, занавешенным марлей. Стены помещения были аккуратно оклеены газетами. На столике стояла восковая свеча, рядом с ней лежал коробок спичек. Вечером в дверь землянки постукали. На пороге оказался Митя. У него в руках была книга Теодора Драйзера “Американская трагедия”. За дверью в тёмном пространстве, сколько видел я в сторону командного пункта, не моргало ни огонька. Только наверху в бездне неба сказочно раскинулись Андромеда, Кассеопея и Медведица с Полярной звездой.

— Хочу перед сном почтить, — обратился Рецо ко мне. Я зажёл свечу.

— Проходи, будем спать по очереди, — был мой ответ.

Отчего я проснулся, не знаю, — видимо, от дыма. На мне горело одеяло. Стены землянки, оклеенные газетой, вспыхнули подобно пороху. В проходе я наткнулся на Рецо, он двигался впереди меня.

— Где оружие?

— Там осталось.

Я бросился в обратном направлении в землянку. Схватив из-под подушки пистолет и лежащий на столе автомат Рецо, вернулся обратно. Чувство страха потерять оружие оказалось сильнее опасности погибнуть в огне.

Читая “Американскую трагедию”, Митя уснул. Пламя от свечи, видимо, зажгло марлю на окне. Далее случилось то, что случилось.

На командном пункте дивизии, на котором мы появились в нижнем белье, нас встретили с улыбкой. По молодости нас простили.

На следующее утро Бобахо уехал без меня вместе с командиром дивизии. Я, к своему стыду, после ночного происшествия проспал. Подъехав к батарее, по просьбе Рецо, машину отпустил для заправки. На батарее мы оказались, когда шёл налёт на переправы.

Подходя к позиции зенитчиков, расположенной на сопке, я увидел на склоне несколько легковых машин только что приехавших офицеров, сопровождавших командующего. Рядом с машинами отдельной группой сидели на траве водители, которые, воспользовавшись перерывом, чистили своё оружие. Где-то вдали слышалась канонада.

Внезапно земля качнулась под ногами — взрыв разорвал воздух. Это был РС — реактивный снаряд. Я пришёл в себя, прижатый к земле телами оказавшихся на мне шофёров, интуитивно бросившихся в находящуюся рядом щель. Выбравшись из неё, почувствовал себя неловко, так как потерял над собой контроль на глазах рядовых солдат.

В конце этого же дня, возвращаясь с батареи, мы с водителем посадили в машину девушку с ребёнком. На заднем сиденье места хватило только на корзину и нашу молодую попутчицу. Едва я успел переложить в корзину корейки наши продукты, как облака закрыли небо, и день превратился в ночь. То и дело небо освещалось молнией, за которой следовали мощные раскаты грома. Затем дождь обрушился на землю. Машину на скользкой дороге занесло в кювет, выбраться из которого нам не удалось. Шофёр ушёл за помощью. Мы остались втроём: девушка с ребёнком и я. Раскаты грома, похожие на артиллерийскую канонаду, следовали один за другим. Натягивая тент на машину, мы все до нитки промокли. Ливень шумел, набирая силу. Запахло мокрой землей. Вдруг удар грома, последовавший за вспышкой молнии, осветившей на фоне зеленоватого неба силуэты деревьев и лицо корейки, обрамлённое чёрными, как смоль, волосами, потряс землю. Струи ливня пулемётной очередью обрушились на тент нашей машины. Затем ветер стих. В ровный гул дождя вошли новые звуки: канонада зенитной артиллерии, которая смешалась с плеском потоков, мчавшихся по рядом проходящему оврагу. Чтобы согреться, мы расположились на заднем сиденье, обнявшись — так было теплее и, казалось, безопасней... Тогда мне хотелось, чтобы этот проливной дождь длился хоть до утра, лишь бы сидеть здесь вместе и видеть, как уже теряющие свою мощь медленные молнии освещают лица юной красавицы и её маленького ребёнка.

Дождь стих ближе к сумеркам, когда к нам подъехал тягач вместе с Дмитрием Рецо. Не могу сказать, что появление наших спасателей обрадовало меня...

*Забуду ли я дороги, похожие друг на друга,
походную флягу с сури, что грела меня и друга...
Мы пьём, по-солдатски, немного и никогда не хмелеем,
читаем стихи Щипачёва, кочуя по горной Корее.
Штурмуют “шуты”, “метеоры”, горят на дорогах танки...
Но я никогда не забуду красавицы корейки!*

Всякое бывает на войне.

В 1952 году командный пункт 64 ИАК посетил командующий китайскими добровольцами генерал Пэн Дэхуай вместе с секретарём Северо-Восточного бюро ЦК КПК и председателем народного правительства Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) Гао Ганом. Кто в те дни из нас мог предположить трагическую судьбу этих людей?.. Они пострадали в ходе китайской “культурной революции”. Теперь, спустя много лет после тех событий, мы имеем возможность оценить уровень их нравственной силы.

Пэн Дэхуай и Гао Ган произвели на всех сильное впечатление. Доброжелательные и открытые по характеру люди, они в разговоре держались просто, без позы. Запомнилось, что, характеризуя тактику ведения боёв отрядами добровольцев против сил Объединённых наций, Пэн Дехуай остановился на партизанской тактике ведения боевых действий против американцев. Говоря об эффективности её применения, среди прочего он сказал (привожу по памяти): “Мы не успели перестроить свою армию. Она осталась партизанской по своему опыту и составу. Американцы оснащены современным вооружением. Их солдаты хорошо владеют этой техникой. У них танки и авиация. Днём на дорогах они очень опасны, поэтому мы в светлое время отходим в горы и туннели, где для нас не страшны ни танки, ни бомбардировщики. Мы прячемся. У нас нет тылов вплоть до полка. Нашему бойцу мало нужно. Зимнее снаряжение, оружие, рис и боеприпасы – в индивидуальной поклаже у каждого солдата. Для остальных припасов и для эвакуации раненых у нас имеются специальные тыловые команды. Всё вооружение переносимое. Мы привыкли к партизанской войне, овладели навыками партизанской тактики. У нас старые кадры, для которых сложно овладеть современной техникой. Сразу не перестроиться. Поэтому приходится воевать старым способом. Днём отсиживаем в горах, ночью выходим в долины. Наваливаемся на них сразу. Американцы не знают местности. Она для них чужая. Их солдаты боятся рукопашных схваток. Они убегают, бросая технику... Мы за ними не успеваем: бегают они быстрее нас”, – засмеялся генерал.

Гао Ган добавил, что американцы долго такой войны не выдержат.

О Гао Гане хочется сказать отдельно. Тогдашний наш представитель при Мао Цзэдуне И. В. Ковалёв, присутствовавший незадолго до Корейской войны на встрече Гао Гана со Сталиным, вспоминает: “...Лично мне из руководителей КПК больше всех нравился Гао Ган. Если Мао был больше китаец-конфуцианец, чем марксист-ленинец, то Гао Ган – больше коммунист, чем китаец... ему не было равных в любви к СССР... Во время этой встречи Гао Ган выступил со своим злосчастным предложением. На случай англо-американской военной интервенции он предложил: во-первых, увеличить численность советских войск в Дальнем; во-вторых, ввести советский военно-морской флот в порт Циндао и, в-третьих... объявить Маньчжурию семнадцатой союзной республикой СССР... Сталин, отвечая Гао Гану, сказал: “Таких шагов, которые Вы предлагаете, мы не можем предпринять. Иначе нас действительно обвинят в попытке раздела Китая. Наоборот, чтобы пристыдить США, мы готовы в любой момент вывести советские войска и из Кореи, и из Дальнего. Советский Союз достаточно силён, чтобы не испугаться атомного шантажа со стороны США. Не только Америка, но и СССР имеет атомную бомбу”. Это заявление Сталина, впервые сделанное в присутствии представителей другой страны, произвело на китайскую делегацию потрясающее впечатление...”

Я привёл воспоминания Ковалева о Гао Гане не случайно. Они лишний раз подтверждают позицию советского правительства в сфере дальневосточной политики СССР в отношении Китая и Кореи. В отличие от США, она была направлена на сохранение “статус кво” на Дальнем Востоке. Примечательно, что обещание Сталина было не пустыми словами. В начале 1950-х годов Ки-

таю были переданы КВЖД (Китайско-восточная железная дорога), Порт-Артур и Дальний.

В редкие от постоянных поездок дни мы имели возможность слушать “Голос Америки”. На Генеральной Ассамблее ООН Вышинский и Ачесон произносили длинные речи. Анализируя их содержание и положение на фронте, казалось, все понимали, что разрешить конфликт силой оружия невозможно. Однако воздушная война, а также бои на фронте продолжались. Над Северной Кореей, прямо над нами, шли ожесточённые схватки, в которых ВВС коалиции ООН эффективно противостоял наш 64-й Отдельный истребительный авиационный корпус.

Корейская война способствовала интенсивному развитию в СССР ракетного оружия, оснащённого ядерными боевыми головками, обладающего невероятной мощностью. В августе 1953 года в Советском Союзе была успешно испытана водородная бомба. В результате США, достигнув небывалого могущества, впервые стали, как ни парадоксально, уязвимы: никогда не воевавшие на своей территории, они неожиданно поняли, что в военном конфликте Вашингтон и Нью-Йорк может постигнуть участь японских городов, стёртых с лица Земли ими же изобретёнными атомными бомбами. По образному выражению академика Б. В. Раушенбаха: “...Америка перестала быть страной, которая всё может...” Такими возможностями стал обладать и Советский Союз.

Одно из ярких впечатлений, оставшихся в памяти — окончание войны. Внезапно наступившая тишина. На КП мы слышали только поскрипывание антенны корпусной радиолокационной станции обнаружения. С Аньдунского аэродрома изредка взлетали одиночные транспортные “Ли-2”. В воздухе на большой высоте высоко в небе барражировали пары дежурных истребителей, оставляя за собой белые инверсионные следы.

В начале августа в управлении корпуса появилась прибывшая из Москвы группа офицеров-зенитчиков, которая должна была принять наши дела. Со свежей энергией новички включились в новую для себя деятельность. Они торопились успеть, пока мы не уехали, получить от нас максимум полезной для себя информации.

За день до отъезда всех отъезжающих пригласили в комнату Бобахо. У него находился представитель руководства китайских добровольцев в Корее, специально прибывший в управление для вручения нам государственных наград КНР. Его сопровождали переводчик Зоу Готин и два солдата с красиво перевязанными шелковыми пурпурными лентами коробками. После короткого вступительного слова китайского представителя нам было сказано, что вручение наград производится по поручению командующего китайскими добровольцами в Корее генерала Пэн Дэхуая. Остальные его слова привожу по памяти.

— Китайская революция, как и советская, из всех цветов вобрала в себя красный цвет. А из множества символов у нас с вами общие Красное Знамя и Красная Звезда. Мы знаем, что советские товарищи чтут также Серп крестьянина и Молот рабочего. Все эти символы нашли отражение в Знаке, который мне поручено вручить вам, — после такого вступления китайский представитель прикрепил награды на наши кители.

Медаль была выполнена в виде знака, соединённого кольцом с красной лентой с двумя золотыми продольными полосками, скреплёнными небольшой позолоченной звёздочкой. На золотом поле знака, обрамлённого венком из рисовых колосьев и перехваченного в нижней части красной рубиновой лентой со звездой в центре, были наложены развёрнутые вправо красно-рубиновые государственные знамена СССР и КНР. Вручённые нам удостоверения к медалям были подписаны председателем Китайской Народной Республики Мао Цзэдуном.

Вместе с медалью мы получили памятные подарки: китайские палочки для еды из слоновой кости, фотографии и шёлковый белый платок, украшенный китайскими и советскими государственными символами...

В заключение хочется сказать: ни одна страна в мире не может рассчитывать на мировое господство, и преимущество США в экономике и в военной области не может служить достаточным аргументом для этого. Культурный вклад других стран и народов настолько велик, что он, без сомнения, подрывает идею о доминировании этой страны в XXI веке.